

Составление
ЛИНОР ГОРАЛИК
МАРИЯ ВУЛЬ

203

ИСТОРИИ ПРО ПЛАТЬЯ

мое первое

счастливое

мамино

свадебное

PostPost

Мария Вуль
Линор Горалик
203 истории про платья
Серия «PostPost.Media»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48851178

203 истории про платья: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-117262-6

Аннотация

Талисман на удачу или материализованное проклятье из бархата и тюля, – платье, судя по рассказам участниц проекта личных историй PostPost.Media, было и остается предметом, нагруженным совершенно особенными ожиданиями, – пожалуй, подобным спектром ожиданий не наделяется больше ни один предмет женского гардероба. Неудивительно, что результатом этих ожиданий оказываются эйфория и растерянность, ощущение всемогущества и чувство потерянности, переживание собственной красоты или собственной “недостойности”. Именно поэтому каждая из историй, рассказанная авторами этой книги, представляется бесценной: говоря о своих платьях, эти авторы помогают нам чуть лучше понять куда более значительные вещи, – природу отношений человека и его одежды, методы выстраивания идентичности и субъектности посредством костюма, плохо изученную роль костюма в семейной динамике и,

наконец, специфику некоторых аспектов материальной культуры последних трех десятилетий.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	14
“Натянуть на забор и качаться”: истории о детских платьях	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Линор Горалик,
Мария Вуль
203 истории про платья**

© Линор Горалик, Мария Вуль, текст

© ООО “Издательство АСТ”, 2019

Предисловие

Это – первый сборник личных историй в серии PostPost.Media, и у него больше двухсот авторов. Более того – именно с историй о платьях начался сам проект личных историй PostPost.Media: примерно полгода назад я попросила людей у себя в фейсбуке поделиться со мной историями о платьях в своей жизни – я тогда консультировала (в качестве маркетолога) российскую модную марку 12Storeez, и мы думали, что какая-то история может стать основой маленького фильма. Результаты превзошли все мои ожидания: пост набрал немыслимое (по моим меркам) количество комментариев, и среди них было больше двухсот историй про платья (в этой книге их 203). К этому моменту я собирала истории для самых разных проектов и изданий, страшно сказать, без малого 20 лет – я, кажется, начала этим заниматься, еще когда работала журналистом в Grani.Ru. Это индивидуальная obsessia: меня сводит с ума тот факт, что все эти крошечные и бесценные сюжеты, человеческие сюжеты, растворяются во времени и в памяти, утекают сквозь пальцы. И когда наконец возник проект PostPost.Media, двести с лишним историй про платья, разбитые для удобства на три порции, стали его первой публикацией – и одной из самых читаемых.

Почему? Почему эта тема так потрясающе отозвалась у людей – и продолжает отзываться (те, кто прочел эти подбор-

ки историй у нас на сайте, досылают нам свои “платьевые” рассказы, и мы публикуем их в нашем телеграме и фейсбуке)? Каждый год я читаю в Высшей школе экономики вводный курс по теории моды (он называется “Повседневный костюм и идентичность”, но по сути помогает начать знакомство с отношениями человека и одежды и с теорией моды как дисциплиной). Мое первое домашнее задание для студентов (иногда их бывает очень много – до 200 человек, – вот же магическая цифра!) – написать мне маленькое письмо про ту самую вещь в их гардеробе, которую они никогда не надевают и никогда не выкидывают; я прошу ответить на четыре вопроса:

1. “Как эта вещь ко мне попала?”
2. “Почему я ее не ношу?”
3. “Почему я ее не выкидываю?”
4. “Что должно произойти, чтобы я надел/а эту вещь?”

Ответы, которые я получаю, всегда оказываются потрясающими: очень личными, захватывающе интересными, зачастую совершенно непредсказуемыми, иногда – подтверждающими какие-то мои теории, иногда – блистательно их опровергающими. Но вот что очень впечатляет: как минимум половина респонденток женского пола пишут про платье. Платье – это вещь с совершенно особым статусом. Если угодно, платье, на мой взгляд, отличается от любого другого предмета женского гардероба тем, что претендует на статус цельного и законченного костюмного высказывания. Естественно,

в зависимости от того, как, когда и с чем мы носим платье, это высказывание получает совершенно разные прочтения. И все-таки (я тут очень упрощаю, но моя идея, наверное, ясна) если юбка, футболка, брюки, кроссовки, сапоги, куртка, топ – это главы романа, то платье – это книга. И именно поэтому мы решили, что первой книгой проекта PostPost.Media станет книга про платье.

В первой части этой книги собраны истории о детских платьях. Судя по рассказам наших респонденток, детские платья и платьица становятся для женщин чудом или пыткой, первым опытом “женственности” или первой женской травмой, объектами желания или объектами ненависти. Очень часто эти платья оказываются, среди прочего, своего рода учебными артефактами: благодаря им девочку посвящают в гендерные нарративы, включающие в себя правила, ожидания, страхи, надежды и тревоги. Нередко детское (и особенно подростковое) платье оказывается проективным объектом: разговор о нем или размышления про него обнажают самую суть того, как понимаются ключевые составляющие гендерных ролей – от выстраивания своего гендерного “я” до участия в выстраивании отношений с будущими партнерами или другими женщинами.

Вторая часть посвящена мамам и бабушкам, – их платьям и их роли в наших собственных “платьевых” историях. Платье нередко становилось не просто частью семейной истории (передавалось от женщины к женщине, служило элемен-

том закрепления памяти или бесценной составляющей наследства) – оно еще и превращалось в важнейший инструмент для выстраивания отношений между женщинами разных поколений внутри семьи. Служа подарком или совместной покупкой, предметом особого приложения творческих сил (сшить для дочери или для матери собственноручно) или своего рода семейным текстом (менять и переделывать, передавая из поколения в поколение), платье как предмет для разговора позволяло поднимать темы старения, любви, болезни, отношений с партнерами, телесности, страсти, горевания. В условиях советского дефицита, когда платье нередко оказывалось не личной, а в буквальном смысле слова семейной вещью, которую могли, например, носить в один и тот же период времени мать и дочь, оно служило одновременно объединяющим и размежевающим объектом: каждая женщина, надевая его, “переприсваивала” платье, наделяя не только индивидуальными стилистическими характеристиками, но и индивидуальными смыслами. Таким образом, платье зачастую играло в семье роль, близкую к тотемной, – может быть, именно поэтому некоторые платья, даже вышедшие из повседневной носки, хранились в семьях десятилетиями, в то время как другие вещи выбрасывались или отдавались с гораздо большей легкостью.

Свадебное платье – герой третьей части книги – могло стать исполнением детской мечты о “принцессности”, а могло – причиной жесточайшего стресса; могло оказывать-

ся ироническим постмодернистским высказыванием, а могло восприниматься носителем с исключительной, почти суеверной серьезностью. Пожалуй, ни один элемент современного костюма не связан с традициями и обрядовостью так плотно, как свадебное платье, – и огромное количество женщин в силу этого обстоятельства испытывает, судя по всему, противоречивые чувства, когда дело доходит до выбора соответствующего наряда: с одной стороны, многие испытывают желание если не отдать дань традиции, то, по крайней мере, приобщиться к почти “сказочной” красоте пышного белого платья, а с другой стороны – внутренне или вполне открыто сопротивляются навязанным стереотипам брачной церемонии. В результате свадебный наряд оказывается для многих не только поводом для сложных и порой в высшей степени нетривиальных компромиссов, но и причиной непростого взаимодействия с близкими, разделяющими или не разделяющими их взгляды на этот предмет: матерью, будущим мужем, свекровью, и так далее. Кроме того, в силу самих обстоятельств использования свадебное платье, даже приобретенное без особых раздумий, немедленно становится “вещью с легендой” и обретает эмоциональную ценность, прекрасно отражающуюся в рассказанных ниже историях.

Иногда даже самые обыкновенные платья “решают” стать необыкновенными – о них речь идет в четвертой части книги. Тогда отношения женщины с ее одеждой начинают выстраиваться по совершенно особым законам: платье стано-

вится источником уверенности в себе, составляющей “обновленного” облика или залогом успешных отношений – иногда в настолько полной мере, что обладательнице начинает мерещиться мистическая подоплека всего сюжета, а само платье начинает восприниматься как объект, способный приносить удачу или несчастье. Очень часто авторы историй говорят о таком платье как об одушевленном предмете с собственным характером – пусть иронично, но не без явного уважения.

Платье наделяется способностью притягивать взгляды к той, на кого оно надето, подчеркивать ее гендерную принадлежность и выдавать ее личные вкусы (если не личные тайны) – неудивительно, что время от времени хозяйки платьев отчасти винят их (пусть и в шутку) в том, что платья подвели их или навлекли на них неприятности. Именно таким платьям посвящена пятая часть книги. Чрезмерное и нежелательное внимание – наиболее часто упоминаемая проблема такого рода, но дела обстоят не так просто: иногда платье “винят” в промахх или совпадениях повседневного и бытового характера, никак не связанных ни с гендером, ни с телесностью. Некоторые из этих историй – о том, какой уязвимостью может оборачиваться ощущение собственной женственности, другие – о том, как костюм порой способен диктовать поведение, задавая определенный настрой и выстраивая ожидания от себя и от своей среды, третьи – о нашей способности видеть паттерны там, где, по нашим ощущениям,

ям, присутствует некоторый экстраординарный объединяющий фактор (а в определенных случаях платье может стать именно таким фактором). Как выразилась автор одной из историй, “Совпадение – или...?”

Талисман на удачу или материализованное проклятие из бархата и тюля – платье, судя по рассказам наших респонденток, было и остается предметом, нагруженным совершенно особенными ожиданиями, – пожалуй, подобным спектром ожиданий не наделяется больше ни один предмет женского гардероба. Неудивительно, что результатом этих ожиданий оказываются эйфория и растерянность, ощущение всемогущества и чувство потерянности, переживание собственной красоты или собственной “недостойности”. Именно поэтому каждая из историй, рассказанная двумястами авторами этой книги, представляется мне бесценной: говоря о своих платьях, они помогают нам чуть лучше понять куда более значительные вещи: природу отношений человека и его одежды, методы выстраивания идентичности и субъектности посредством костюма, плохо изученную роль костюма в семейной динамике, специфику некоторых аспектов материальной культуры последних трех десятилетий. Я благодарна абсолютно каждому автору историй, вошедших в эту книгу, – и, конечно, моя благодарность по отношению к команде проекта PostPost.Media безгранична: спасибо редактору Марии Вуль, корреспонденту Анне Синяткиной, корректору Анне Марченко, SMM-специалистам Ольге Куроч-

киной и Анне Осиповой и директору по развитию Катерине Демьянковой. Без вас этого проекта бы не было. Отдельно мне очень хочется поблагодарить поэта и издателя Илью Данишевского за то, что он взялся издавать эту серию, – и за его помощь и поддержку.

Линор Горалик,

Главный редактор проекта PostPost.Media

Глава 1

“Оно зашибись как кружилось”: истории про детские и мамины платья

Наши детские платья и платьища становились для нас чудом или пыткой, первым опытом “женственности” или первой женской травмой, объектами желания или объектами ненависти, — а еще о том, почему истории о платьях очень часто оказываются историями об отношениях женщин внутри семьи, и о том, почему платья наших мам зачастую до сих пор хранятся в нашей памяти, а нередко — и в наших шкафах.

“Натянуть на забор и качаться”: истории о детских платьях

*** * ***

Было мне лет восемь. И мама купила мне летнее платьишко — розового цвета из плотненького хлопка в рубчик, рису-

нок не помню, кажется, парусники... Вполне себе симпатичное, если бы не наглое дизайнерское решение в виде “про-резных” карманов. То есть, натурально, две длинные дырки, отороченные кантом и украшенные маленькими бантиками по краям этих двух позорищ. Как же я его ненавидела! Но мама была неумолима: “Не выдумывай! Прекрасное платье-це, дышит, проветривается”. И выгоняла меня в нем на прогулку. Это были пропащие дни – потому что я ни с кем не играла, а бродила в сторонке, закрывая ладошками дыры. Стыд был двойной: и платье дырявое, и трусы мелькают (если наклониться за мячом, например, или повернуться неудачно). Нет, меня не дразнили, не подшучивали, никто слова в адрес платья не сказал. И все же это одно из самых нерадужных детских воспоминаний. Связанное с мамой в большей мере, как вы понимаете.

MELISSA LEMON

* * *

Когда дочери подруги было пять лет, она ходила в симпатичный поселковый детский садик. Ее там все очень любили, и одна воспитательница притащила подруге платье, от которого пятилетний человек с ума сошел от восторга – а мы все охренели от ужаса. Это был китайский кружевной белый торт: воланы на рукавчиках, белые “атласные” цветучки по

вырезу, юбки из марли, открытые плечи и там тоже какие-то цветучки – короче, апофеоз китча и звездаца. Такие платья обычно на вокзалах носят цыганские крошки. Понятное дело, из этого платья она не вылезала никогда. Носила его лет до семи. Наконец она из него выросла. И только ее мама решила его наконец выкинуть – но нет! Девочка торжественно подарила его своей младшей близкой подруге – моей дочери Манюне, которой как раз исполнилось четыре года. Манюня от счастья тоже сошла с ума. Мы в этом чертовом платье ходили на все праздники, а каждый вечер она в нем танцевала. От него отлетали детали, Манюня со слезами заставляла их пришивать обратно. Наша бабушка-модельер крутила пальцем у виска и спрашивала, не могу ли я деть уже куда-нибудь этот драный серый торт. Но я не могла. Самое удивительное, что из этого платья невозможно было вырасти – оно росло и тянулось вместе с дочерью. Наконец, когда Манюне исполнилось семь лет, ее голова не пролезла в воротник. Платье было любовно сложено в шкаф, а потом я его тайно выкинула. Но до сих пор, когда мы собираемся купить Манюне новое платье, она спрашивает, а нельзя ли найти то, божественно прекрасное, которое было в детстве.

АННА КАЧУРОВСКАЯ

* * *

Мне десять лет, мы приехали в Минск, на свадьбу родственников. А там с текстилем получше, чем у нас, и вот нашли мы белорусское народное платье, с подъюбником и двумя половинками юбки сверху, как два фартука. Мама научила меня слову “плахта”, и привезли этот наряд в Кишинев. Прихожу я в нем на праздник в школе.

– Ах, какое платье!

– Это не платье, это плахта!

С тех пор я считалась в классе странной заучкой.

САША СМОЛЯК

* * *

Лет пятнадцать назад мой сын, которому было года четыре, завис в каком-то сельпо возле манекена, одетого в платье до пола. На вопрос, чем это платье так его заинтересовало, сын восторженно закричал: “Мама, купи себе такое платье, ты будешь принцессой!” Надо ли говорить, что это платье было со страшным количеством рюшечек, кружев, цветочков и воланов, а еще оно было ядерно-зеленого цвета и стоило несусветных денег.

В общем, принцессино платье я себе не купила, очень рас-

строив этим поступком сынулю. Он его долго вспоминал и даже нарисовал в письме Деду Морозу, прося, чтобы тот принес такое платье мне в подарок. Дед Мороз, зараза, не принес. Собственно, так и пошатнулась вера моего сына в новогодние чудеса.

НАТАЛИЯ ПАНТЕЛЕЕНКО

* * *

У моей маленькой дочери было жуткое и обожаемое китайское платье-торт. Розовое. Оно растягивалось, тянулось бесконечно! “Дикие розочки”, сумасшедший декор. Дальше дверей квартиры я ее в этом платье не пускала, но по приходу из садика платье мгновенно надевалось и носилось бесконечно. То платье перешло к нам по наследству и было также отдано дальше – продолжать свою миссию.

ELENA DATSKO

* * *

У кузины лет в пять было жуткое белое капроновое платье. Все как положено: рукава-фонарики, вырез лодочкой, пышная юбка и оборки по краю. Оно было предметом моей лютой зависти (мы одногодки), а хозяйка свое платье рев-

ностно оберегала. Наконец, когда нам было лет по шесть, я выцыганила у нее это платье и даже влезла в него (с трудом – я была слоненок, а кузина фея). В платье я проходила один день – и успокоилась. Отпустило.

НАСТАСЬЯ КУЗНЕЦОВА

* * *

Мне семь лет. Снится мне сон, что я принцесса. И платье у меня белое с тремя воланами на юбке, каскадом вниз. Проснулась, ничего не помню, кроме платья. Побежала, рассказала маме. Мама поохала вместе со мной, повосхищалась, что надо же, какой сон хороший. А через пару дней приносит подарок. Разворачиваю, а там платье из сна. Ну и что, что не до пола, а еле до коленок. Но оно белое. С воланами, тремя, каскадом. И розовая лента отделки по краю воланов. Я чуть в обморок не упала. Понятия не имею, где мама достала эту небесную красоту в Кишиневе 90-х годов. Это было мое самое дорогое, оберегаемое и любимое платье, пока я не выросла из него.

САША СМОЛЯК

* * *

Мне было лет восемь... Мама переделала для меня отцовскую рубашку в крупную черно-красную клетку. Переделка состояла в том, что я была подвязана черной капроновой лентой вместо пояса, а под воротничком – пышный капроновый бант. Мне не терпелось выйти на улицу покрасоваться. Не помню, куда пошла, но помню, как возвращалась под взгляды и улыбки прохожих. Было ощущение пудовых гирь на ногах, каждый взгляд ощущала на себе физически. Это был мой первый и последний выход в этом наряде.

ЕЛЕНА ПОЗДНЯКОВА

* * *

У меня до сих пор хранится детсадовская “снежинка” из маминой фаты! Костюм пожелтел от времени, но так дорог, что я его никогда не выброшу. Юбочку надеваю на дочку, когда она играет в принцессу.

ОЛЬГА ШЕСТОВА

* * *

Пятидесятые годы, СССР, бабушке достался кусок крепдешина. Маленький. Бабушка думала-думала и для своей маленькой дочки (моей тети) сшила из этого крепдешина замечательное платье. Сводила в этом платье один раз в гости, а в другой раз попросила дочку подождать, пока к она соседке забежит. Дочка стояла во дворе, стояла, делать нечего, стала играть подолом платья. Доигралась до того, что попробовала на зуб. А крепдешин прикольно так на зубах похрустывает. В общем, к возвращению мамы ребенок весь подол платья обгрыз.

ЕВГЕНИЯ ЧИКУРОВА

* * *

Мое первое вечернее платье было сшито из папиной рубашки. К новому утреннику. Мне предстояло танцевать танец снежинок. Конец семидесятых, рубашку с жабо из сине-белого перламутрового жаккарда для папы шила тоже мама. Платье получилось волшебное. В детском саду его вывесили на всеобщее обозрение и сказали другим родителям, что все снежинки должны быть в таких. На что другие родители восхищенно ответили, что это произведение искусства.

Когда мне было шесть лет (в 1995 году), мы с мамой поехали в Кельн, в гости к нашим друзьям. В Кельне, помимо прочих увеселений, мы пошли в огромный магазин детской одежды, где мама пообещала купить мне нарядное платье – любое, какое захочу, потому что московские варианты нарядных платьев эстетически ее совершенно не устраивали. Я зашла в этот магазин и сразу увидела ЕГО: платье из чистого золота, сверкающее солнечным светом от воротника до самого подола из парчи. Все остальное меркло в сравнении. Тут-то мама, нахмурившись, и взяла назад свое слово, потому что платье из чистого золота не вписывалось в ее представление об интеллигентном нарядном платье, поэтому в итоге мы купили вельветовое платье с черным лифом и подолом в коричневую клетку. На выпускной фотографии из детского сада все мои одноклассницы сидят в розовых принцессиных платьях с искусственными розами, вплетенными в косы, а я – в дорогом черном вельветовом платье, со стрижкой каре, на шее элегантная серебряная цепочка, а в глазах тоска по золотому платью.

Мне было четыре года, и мы жили в Шебекино – это химический ужас и вечная зима. Я вечно болела, в сад почти не ходила, а если ходила, то это была просто чистая слезная тоска по маме на целый день. Приближался Новый год, и всем мамам девочек велели нарядить дочерей в “снежинок”. Мама извернулась в кульбите, но смогла достать мне красивое белое платье с красными – точками? цветочками? – в общем, в красном чем-то там. Так как дети были маленькие, родителей на праздник не пускали, чтобы избежать рева. Наряд нужно было принести на плечиках и подписать, чей он. Старая советская пытка для детей и взрослых. Только спустя месяц, когда раздавали фотографии с утренника, мама увидела, что платье мне надели задом наперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.